

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

T.B. Черноморова

НЕРАВЕНСТВО В ДОХОДАХ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Черноморова Татьяна Васильевна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник ИИОН РАН.

Принято считать, что разделение людей на богатых и бедных возникло с появлением классового общества. Но особенно отчетливо имущественное неравенство и неравенство в доходах проявляются в эпоху современной глобализации: при стремительных темпах роста благосостояния мировое богатство еще никогда не распределялось столь неравномерно. Неравенство существует повсеместно, в различных экономических и социальных пластиках – от geopolитических регионов и стран до внутренних областей и городских районов, хотя оно имеет различные масштабы в зависимости от условий.

Подсчитано, что сегодня среднедушевой доход в 19 наиболее богатых странах мира в 37 раз превышает соответствующий показатель в 19 беднейших странах. Однако неоспоримый факт заключается в том, что за последние 40 лет этот разрыв в доходах удвоился. По оценкам аналитиков Программы развития ООН, на начало XXI в. совокупное богатство 225 богатейших людей планеты превышало 1 трлн долл. – сумма, эквивалентная ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих 47% населения мира. Другая впечатляющая цифра: общее состояние трех богатейших людей сегодня превысило совокупный ВВП 48 наименее развитых стран [1].

Как отмечает известный экономист Нуриэль Рубини¹, в последние десятилетия из-за незначительного прироста доходов практически у всех имущественных слоев (за исключением наиболее богатых) во многих обществах образовался гигантский разрыв между реальными доходами и разогретыми «обществом потребления» потребительскими аппетитами, и этот разрыв, к

¹. Н. Рубини – председатель глобальной консалтинговой службы. *Roubini Global Economic*, профессор экономики в Школе бизнеса Стерн при Нью-Йоркском университете и автор работ по экономике во время кризиса.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

сожалению, постоянно увеличивается. Постоянное увеличение левериджа (превышения заемного капитала над собственным) в частном и государственном секторах экономики и связанные с ним «пузыри» активов и кредитов, частично «лопнувшие» во время последнего кризиса и надуваемые заново, отчасти также являются следствием этого разрыва, считает Рубини [6].

В последнее десятилетие вопросы влияния глобализации на распределение доходов, рост неравенства в сфере труда и уровень бедности занимают все более значительное место в документах международных сообществ (ОЭСР, ЕС) и международных организаций (МОТ, МВФ, Всемирного банка и др.). Несмотря на длительный период экономического роста, обеспечившего с начала 1990-х годов создание миллионов новых рабочих мест, неравенство в доходах в большинстве регионов мира резко возросло, а последний глобальный финансовый кризис еще больше усугубил эту ситуацию.

Основные подходы к определению неравенства

Определения понятия неравенства, так же как и определения термина «глобализация», у различных экономистов зачастую не совпадают. Например, марксистский подход к неравенству всегда исходил из классовой структуры общества и связанной с ней эксплуатацией наемного труда, которые четко отделялись от возможностей социальной мобильности для каждого наемного работника в рамках существующей иерархии должностных позиций.

Г. Терборн, профессор социологии университета Упсала (Швеция), при определении понятия неравенства исходит из моральной аксиомы о безусловно равной ценности каждого индивидуума. Он присоединяется к мнению Амартия Сена², который рассматривает неравенство качества жизни через призму несоответствия реального качества жизни отдельного человека тому уровню, которого он мог бы достичь благодаря своим способностям. Из этого подхода, рассматривающего потенциальные возможности каждого индивидуума в качестве главного оценочного критерия социального неравенства, делается вывод о том, что в основе любого неравенства лежит его изначальная многомерность [7, с. 34].

Как глобализация несводима только к мировой торговле и потокам капитала, так и последствия глобализации в проекции на проблему социального неравенства несводимы лишь к распределению национального ВВП на душу населения, к доходам индивидуумов или домохозяйств. Например, ООН в своих докладах, касающихся оценки динамики развития, применяет спе-

---

². А. Сен – известный индийский экономист, нобелевский лауреат по экономике 1998 г., профессор Гарвардского университета и один из разработчиков «Индекса человеческого развития» ООН.

циально разработанный интегральный «Индекс развития человеческого потенциала», который включает показатели продолжительности жизни, уровня образования (грамотность плюс численность обучающихся на второй и третьей ступенях образования) и приведенной стоимости реального ВВП на душу населения (в сопоставимых ценах).

Скандинавские исследователи для определения уровня социального неравенства используют следующие десять показателей: качество питания, здоровье и доступ к здравоохранению, занятость и условия труда, экономические ресурсы, знания и доступ к образованию, семейные и социальные отношения, жилье и услуги по месту жительства, развлечения и культура, безопасность жизни и имущества, политические ресурсы.

Неравенство в современном мире, отмечает Терборн, принимает многообразные формы и продуцируется различными процессами. Формы неравенства множественны, как и формы глобализации и глобальные процессы. Терборн выделяет четыре базовых механизма неравенства: дистанцирование, исключение, господство / подчинение и эксплуатация. Три наиболее важных, с его точки зрения, вида неравенства – биологическое, экзистенциальное и экономическое (ресурсное).

Биологическое (витальное) неравенство прежде всего выражается в разной продолжительности жизни и разном здоровье, но может относиться и к другим жизненно важным внешним обстоятельствам, а также к их распределению. До недавнего времени, пока не разразилась эпидемия СПИДа в Африке и не проявились последствия посткоммунистической травмы Восточной Европы, в течение всей второй половины XX в. элементарные человеческие возможности выживания постепенно выравнивались. Иными словами, глобальное биологическое и демографическое неравенство, или неравенство шансов на жизнь, постепенно сокращалось.

Экзистенциальное неравенство важно не только в моральном, но и в социальном, и в политическом отношениях. Оно не сводится к экзистенциальным различиям между индивидами, поскольку его можно разложить по категориям и институционализировать. Примерами этого вида неравенства являются расизм, сексизм, социальные иерархии на основании принадлежности к той или иной касте, классу, иной социальной общности и др. Экзистенциальное неравенство в целом увеличивалось на протяжении XIX–XX вв. по мере развития европейского империализма и колониализма, а также атлантического социал-дарвинизма. Даже после того, как работорговля оказалась под запретом и было отменено рабство, экзистенциальное неравенство, по Терборну, сохранилось. Победа над нацизмом дала новый импульс к движению в направлении экзистенциального равенства. Важной поддержкой этой тенденции явилось создание ООН.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Наконец, *экономическое неравенство*, которое, собственно говоря, и является основным предметом настоящего исследования, имеет отношение к распределению имеющих ценность в данной социальной среде ресурсов (например, земли, скота, образования, денег и пр.). Сюда же относится и возможность получения социальных благ. В качестве показателя для измерения уровня экономического неравенства обычно (хотя и не всегда) используется показатель, измеряемый долей ВВП на душу населения [7, с. 35].

На протяжении последних 200 лет уровень экономического неравенства между странами и внутри стран, измеряемый приходящейся на душу населения долей ВВП, произведенного в той или иной стране, неуклонно возрастал. Однако если измерять экономическое неравенство уровнем покупательной способности населения, то обнаружится, что в последней трети XX в. процесс экономического расслоения приостановился и распределение благосостояния как между странами, так и внутри стран стало более эгалитарным.

Если сравнивать между собой страны Северо-Атлантического региона (Западная Европа, США, Канада), то первая волна выравнивания уровней покупательной способности населения началась во времена Великой депрессии и продолжалась примерно до 1951 г. Затем пришла вторая волна (с 1960-х годов до 1975–1980 гг.), которую, в свою очередь, вновь сменил тренд к росту неравенства – притом, что динамика роста неравенства демонстрирует различные темпы в разных странах.

Распределение совокупного мирового дохода между странами, измеряемое в ВВП на душу населения, не обязательно совпадает с относительным распределением числа домохозяйств в той или другой стране. Сравнительные темпы развития между странами и внутри стран могут быть разными. С 1965 по 1992 г. неравенство между странами значительно увеличилось, в то время как неравенство внутри каждой отдельной страны демонстрировало тенденцию к сокращению [7, с. 36].

М. Лундберг, сотрудник Исследовательского отдела Всемирного банка, на основании собственных статистических оценок делает вывод, что никаких однозначных и универсальных тенденций в динамике социального и экономического неравенства в мире не выявлено. Где-то нищета растет, где-то сокращается – многое зависит от политики, которую проводит правительство той или иной страны. Только государства, проводя грамотную экономическую и социальную политику, в состоянии противостоять негативным тенденциям чрезмерной либерализации и создавать благоприятные условия для подключения большинства населения к активной экономической деятельности, способствовать росту занятости и обеспечивать социальную защиту граждан, полагает Лундберг [2].

Б. Миланович³, обобщая данные Всемирного банка по статистике доходов почти в 100 странах мира, в свою очередь считает, что существуют три метода приведения данных по отдельным странам к общему итогу [2].

Первый метод состоит в том, чтобы, исходя из среднего дохода каждой страны на душу населения, проследить, как меняются соотношения между странами по уровню доходов за два последних десятилетия, т.е. когда глобализация, как считается, шла особенно быстро. При таком подходе получается, что неравенство растет, так как среднедушевой доход в богатых странах имеет тенденцию расти в целом быстрее, чем в бедных.

Этот вывод мало кто оспоривает, но против самого метода выдвигается серьезное возражение: дело в том, что при таком подходе не учитываются различия в численности населения той или иной страны, т.е. весовые коэффициенты каждой страны. Получается, что Китай или Индия влияют на среднемировую оценку распределения неравенства в той же степени, в какой, например, Гондурас или Маврикий, что не соответствует реальности.

Чтобы скорректировать полученные данные, применяется второй метод, при котором при межстрановом сопоставлении доходов среднедушевые доходы каждой страны взвешиваются с учетом численности ее населения. В этом случае возникает aberrация другого рода: получается, что за последние 20 лет неравенство в доходах в целом в мире сократилось исключительно потому, что Китай, где среднедушевой доход вырос значительно, с его более чем миллиардов населением перетягивает на чаше весов десятки менее благополучных с точки зрения экономического развития стран. Если же данные по Китаю не принимать в расчет (хотя для этого нет никаких разумных обоснований), получается совсем иная картина.

Наиболее адекватным, по мнению Б. Милановича, является третий метод, при котором население всех стран мира разбивается на несколько (например, десять или двадцать) групп с примерно равным среднедушевым доходом в каждой группе; при этом национальные границы не принимаются во внимание. Главное достоинство этого метода состоит в том, что он позволяет учитывать сдвиги в распределении доходов внутри стран – ведь даже при росте среднедушевого дохода экономическое неравенство внутри страны может также увеличиваться. Такая тенденция наблюдается не только в бедных, но и в богатых странах. Например, в США с 1970 по 1998 г. средний реальный доход на душу населения увеличился на 20%, а разрыв между сред-

---

3. Б. Миланович – ведущий экономист Исследовательского отдела Всемирного банка, приглашенный профессор Школы углубленных международных исследований Университета Джона Хопкинса, а также автор недавно опубликованной книги: *The haves and the have-nots: A brief and idiosyncratic history of global inequality*. – N.Y.: Basic books, 2011. – 258 p.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

ним доходом наименее обеспеченной пятой части населения и средним доходом его наиболее богатой пятой части возрос с 7,6 до 11,3 раза. В большинстве стран с высоким уровнем бедности подобные процессы прослеживаются сплошь и рядом.

Применение третьего метода наглаживается на недостаток статистических данных о распределении доходов во многих странах мира за достаточно длительный период. Милановичу удалось собрать подробную статистику по 91 стране за 1988–1993 гг., и его расчеты показывают, что неравенство в глобальном масштабе за этот период увеличилось. По расчетам Милановича, коэффициент Джини (см. подробнее ниже), который используется для обобщенного измерения неравенства доходов, вырос за это время с 0,63 до 0,68 [2].

К аналогичным выводам приходит и один из наиболее известных экономистов XX в., недавно скончавшийся (в возрасте 98 лет) профессор Техасского университета Джон Кеннет Гэлбрейт, который до последних дней своей жизни руководил Центром по исследованию неравенства. В своем докладе, основанном на собственных расчетах с привлечением статистики по большому числу стран, он отмечает «глобальную тенденцию к росту неравенства в последние два десятилетия». Рост неравенства в мире Гэлбрейт связывает с распространением неолиберальной идеологии, подрывом национальных суверенитетов, отказом от кейнсианских методов регулирования экономики. Гэлбрейт отмечает два периода особенно быстрого взлета неравенства. Первый – приходится на долговой кризис развивающихся стран в начале 1980-х годов, второй – на время распада коммунистической системы в начале 1990-х. Особо он выделяет Россию, которая по уровню неравенства соседствует ныне с такими странами, как Гаити, Чили и Панама [2].

Методы измерения неравенства в доходах

Основной метод измерения неравенства в доходах основан на обследованиях (опросах) домохозяйств. В целях повышения репрезентативности данных опрашивается достаточно большое число домохозяйств. Выявляются различные источники их доходов (в денежной и натуральной формах) и структура потребления. Общий доход домохозяйства за вычетом уплачиваемых прямых налогов (или, как альтернатива, общее потребление) делится на число его членов, а затем все индивиды ранжируются от самых бедных до самых богатых (в соответствии с душевым доходом домохозяйства). Таким образом рассчитывается показатель вариабельности доходов, называемый коэффициентом Джини.

Коэффициент Джини является наиболее часто используемым показателем неравенства. Теоретически он варьирует от нуля (доходы у всех одинако-

вы) до единицы (все доходы общества достаются одному человеку). Чем ближе этот коэффициент к нулю, тем неравенство меньше; чем он ближе к единице, тем неравенство больше.

Значения коэффициента Джини считаются «нормальными», «обычными» или «желательными», когда они находятся в пределах 0,25–0,35 – как, например, в странах, характеризующихся наименьшим неравенством (например, в Швеции или Канаде).

Однако для большинства стран значение коэффициента Джини составляет порядка 0,40. В США, Китае и России коэффициент Джини несколько превышает 0,40. В большинстве африканских и латиноамериканских стран коэффициенты Джини варьируют от 0,55 до 0,59, а в некоторых крайних случаях и в отдельные периоды коэффициент Джини может достигать даже 0,60. Нет подтвержденных случаев, когда на протяжении длительного периода коэффициент Джини был бы выше 0,60. Поэтому фактический интервал неравенства на уровне отдельных стран составляет от 0,25 до 0,60. В то же время оценки глобального неравенства (между гражданами разных стран) выходят за пределы этого интервала, достигая почти 0,70.

Б. Миланович отмечает, что хотя обследования домохозяйств и являются наилучшим инструментом оценки уровня и вариабельности доходов, этот метод не лишен недостатков. Верхушка распределения может оказаться «урезанной»: по-настоящему богатые люди нередко либо вообще отказываются от участия в обследовании, либо занижают свои доходы. Причины такого уклона неясны, учитывая конфиденциальность обследований. Однако подозрения об «урезанности верхушки» в последнее время породили целую волну методик, которые, в отличие от опросов, используют данные налоговых органов (заявленный доход до налогообложения), чтобы оценить долю в доходах одного или даже 0,1% самых богатых граждан страны. Авторы таких методик исходят из допущения, что богатым сложнее утаить доходы от налоговых органов, чем от лиц, проводящих обследования, и что с первыми они более правдивы. Однако в действительности результаты измерения неравенства в США, основанные на обследованиях, мало чем отличаются от результатов, полученных на основе данных налоговых органов – даже несмотря на то, что обследования описывают полное распределение доходов, тогда как налоговые данные касаются лишь верхней части шкалы [15, с. 7].

С начала 1980-х годов в большинстве стран неравенство в доходах увеличилось (или в лучшем случае осталось неизменным) [10]. Во многих случаях это противоречит двум теориям, наиболее часто используемым для описания и прогнозирования динамики неравенства: кривой Кузнецца и теореме Хекшера–Олина–Самуэльсона (ХОС).

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Согласно теории, лежащей в основе построения *кривой Кузнецa*⁴, в доиндустриальных обществах почти все были одинаково бедными, поэтому уровень неравенства был низким. Неравенство начинает расти, когда люди переходят от низко производительного сельского хозяйства к более производительному промышленному производству, где средний доход выше, а распределение заработной платы менее равномерно. Однако по мере того как общество становится все более зрелым и богатым, разрыв между городом и деревней сокращается, а пенсии по старости, пособия по безработице и иные социальные выплаты способствуют снижению неравенства. Таким образом, кривая Кузнецa напоминает перевернутую букву «U».

Теорема Хекшера–Олина–Самуэльсона о международной торговле гласит, что по мере вовлечения бедных стран в мировую торговлю усиливается их специализация на производстве товаров, в которых они имеют сравнительное преимущество – а именно, товаров, производимых с использованием труда, не требующего, как правило, высокой квалификации (либо товаров, для производства которых в данном конкретном регионе имеются особые климатические, географические или иные локальные предпосылки).

В результате специализации в таких странах растет спрос на неквалифицированную рабочую силу, и заработная плата работников с низкой квалификацией повышается по сравнению с оплатой труда квалифицированных работников. Неравенство, измеряемое как соотношение уровней оплаты труда квалифицированных и неквалифицированных работников, сокращается. В богатых странах происходит обратное: по мере того как они экспортят все больше товаров, производимых с помощью высококвалифицированного труда, неравенство в них возрастает.

Неравенство в доходах в самых богатых странах (в частности, в тех, по которым имеется надежная статистика за длительный период – США и Великобритания) первоначально изменялось в соответствии с моделью Кузнецa, демонстрируя сначала рост, а затем снижение (это и неудивительно, отмечает Миланович, учитывая, что именно анализ статистических данных второй половины XIX – первой половины XX в. подвигнул Кузнецa к формулированию его гипотезы). После пика неравенства, достигнутого в Великобритании в конце XIX в., а в США в 1920-х годах, эти страны вступили в длительный период постепенного снижения уровня неравенства, который продолжался вплоть до конца 1970-х годов, когда разрыв в доходах между богатыми и бедными сократился до своей минимальной исторической величины [15, с. 8].

---

4. Кривая Кузнецa названа так по имени американского экономиста Саймона Кузнецa, предложившего ее в середине 1950-х годов.

Однако с тех пор, несмотря на то обстоятельство, что и США, и Великобритания (а также большинство стран с развитой экономикой) стали гораздо богаче, неравномерность распределения доходов в этих странах возросла. В 2010 г. реальный душевой доход в США был на 65, а в Великобритании – на 77% выше, чем в 1980 г. За тот же период неравенство, измеряемое коэффициентом Джини, в США возросло с 0,35 до 0,40, а в Великобритании – примерно с 0,30 до 0,37. Этот рост отражает существенные отрицательные сдвиги в распределении доходов. В целом с середины 1980-х до середины 2000-х годов неравенство возросло в 16 из 20 богатых стран – членов ОЭСР. В 2012 г. коэффициент Джини составлял уже 0,45 в США, 0,28 – в Германии, 0,40 – в России, 0,47 – в Китае, 0,55 – в Бразилии, 0,63 – в ЮАР и 0,35 – в Австралии [4]. Подобная корреляция между растущим средним доходом и ростом неравенства в развитых странах, несомненно, отмечает Миланович, привела бы в замешательство Кузнецца, да и многих других экономистов.

Неравенство возросло и в Китае – все еще бедной стране по уровню среднедушевого дохода в сравнении с развитыми экономиками мира. Китай издавна имел сравнительное преимущество в производстве товаров, требующем привлечения неквалифицированной рабочей силы. В последние десятилетия в Китае, благодаря низкой стоимости даже высококвалифицированной рабочей силы и огромному рынку трудовых ресурсов, производятся едва ли не все товары, потребляемые в мире – от детских игрушек и белья до высокотехнологичных гаджетов и самолетов. В результате стремительного включения Китая в мировое хозяйство доля доходов от экспорта в ВВП Китая в последние годы составляла более 60%, причем в 2012 г. она увеличилась на 7,9% и в денежном выражении достигла 2,4 трлн долл. [16].

Из теоремы ХОС о глобализации следует, что неравенство в доходах должно сокращаться по мере повышения заработной платы работников низкой квалификации по сравнению с заработной платой квалифицированных работников. На самом же деле коэффициент Джини для Китая возрос с менее 0,30 в 1980 г. до примерно 0,45 в настоящее время. Эти факты противоречат не только теореме ХОС, но и модели Кузнецца, отмечает Миланович. Причина, очевидно, в том, что теорема ХОС, равно как и модель Кузнецца, в отношении Китая не работает, поскольку, несмотря на относительно низкий по сравнению с развитыми странами средний уровень заработной платы, оплата труда быстро растущей в последнее время армии работников средней и высшей квалификации, занятых в производстве сложных в техническом отношении изделий, растет в Китае намного более быстрыми темпами, чем заработки в традиционных отраслях, где часто по-прежнему широко используется неквалифицированный труд. Очевидно, что и доля «новых» отраслей в ВВП Китая сегодня существенно выше, чем доля «традиционных» отраслей.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

В целях дальнейшего совершенствования методики расчета глобального неравенства, полагает Миланович, данные обследований домохозяйств отдельных стран должны быть скорректированы специальным поправочным коэффициентом, позволяющим перевести национальные доходы различных стран в единую международную «покупательную валюту», обладающую одинаковой покупательной способностью во всех странах мира. Таким корректирующим коэффициентом является так называемый доллар паритета покупательной способности (доллар ППС). Его основное назначение состоит в том, чтобы учитывать различия в уровнях цен между странами и корректировать их с учетом реальной покупательной способности населения.

Обычно уровень цен в более бедных странах ниже, чем в более богатых, поэтому с учетом поправки на покупательную способность доходы в бедных странах оказываются выше, чем если бы они измерялись с помощью рыночных обменных курсов. Используя последние данные о долларе ППС, можно построить глобальное распределение доходов – внушительную базу данных, объединяющую результаты отдельных обследований и скорректированных с учетом обменных курсов ППС для каждой страны. Коэффициент Джини для глобальной оценки динамики неравенства в доходах, рассчитанный по такой методике, оказывается существенно более корректным, чем тот, который исчисляется по упрощенной методике.

Если, замечает Миланович, оценивая глобальные тенденции динамики неравенства, рассмотреть, например, период 1988–2005 гг., то сколько-нибудь явно выраженного тренда изменения уровня неравенства (как по направлению, так и по динамике) обнаружить не удается, хотя сам по себе уровень глобального неравенства уже в середине 2000-х годов оказался весьма высоким (коэффициент Джини на протяжении всего этого периода составлял порядка 0,70). Это означает, что взвешенные (с учетом численности населения) силы конвергенции между странами (например, когда многочисленные Индия и Китай догоняют богатые страны) лишь незначительно компенсируют силы, генерирующие рост неравенства внутри отдельных стран. Однако, полагает Миланович, данные за 2008 г. отражают гораздо более быстрый экономический рост стран с формирующимся рынком по сравнению со странами с развитым рынком, и потому указывают на возможность сокращения мирового неравенства в будущем [15, с. 11].

Подтверждением этой новой тенденции может служить также тот факт, что глобальное неравенство, измеряемое коэффициентом Джини, снизилось с уровня порядка 0,70 в 1990–2005 гг. до примерно 0,67–0,68 к концу первого десятилетия ХХI в. Снижение коэффициента Джини, наблюдаемое в 2010 г., является благоприятным признаком, хотя, по всей видимости, пока еще рано говорить о долговременной тенденции. Этот показатель по-прежнему демонстрирует значения гораздо выше тех, которые оценивают внутреннее

неравенство в любой отдельно взятой стране, и существенно выше, чем уровень глобального неравенства 50 или 100 лет назад. И тем не менее, если набившийся сегодня тренд окажется устойчивым (а многое зависит от будущих темпов экономического роста в Китае), то мы можем стать свидетелями первого снижения уровня глобального неравенства с середины XIX в. и прошлой революции.

По мере того как доходы домохозяйств в двух странах-гигантах – Индии и Китае – все больше приближаются к уровням доходов в развитых странах с давно сложившимся рынком, средний мировой доход повышается, и мировое неравенство начинает сокращаться. Парадоксальным образом эти обнадеживающие тенденции совпали с всемирным финансовым кризисом, однако очень простая арифметика доходов и численности населения показывает, что «расстыковка» экономического роста между богатыми странами и странами с формирующимся рынком способствует снижению глобального неравенства.

Так что, подытоживает Миланович, даже в разгар кризиса и вопреки всем внешним неблагоприятным факторам экономической науке приходится иметь дело не только с «удручающими» обстоятельствами. Сокращение глобального неравенства, обусловливаемое высокими темпами экономического роста и повышением уровня жизни в густонаселенных и пока еще относительно бедных странах (таких, как Индия и Китай), знаменует собой эпохальный сдвиг: оно открывает путь к благоденствию для миллионов людей. И по мере укрепления взаимосвязей между странами политическая значимость снижения глобального неравенства может однажды перевесить рост неравенства внутри отдельных стран.

Особенности роста неравенства в доходах в развитых странах

В развитых странах, как полагают некоторые экономисты, одной из причин роста неравенства в последние десятилетия является технический прогресс, который генерирует спрос на высокообразованных работников. При этом системы образования обычно не успевают готовить высококвалифицированных специалистов в количестве, востребованном рынком и, как следствие, заработка платят таких работников растет более быстрыми темпами по сравнению с заработной платой их менее квалифицированных коллег.

В свое время Я. Тинберген, норвежский экономист и нобелевский лауреат, подметил, что неравенство в доходах является прямым следствием гонки между развитием технологий и системой образования. И хотя в первые десятилетия XX в. в этой гонке победа оказывалась большей частью на стороне менее квалифицированной рабочей силы (темперы производственных инноваций были достаточно умеренными), требования научно-технической револю-

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

ции вновь поставили квалифицированных работников в более привилегированное положение на рынке труда.

Например, в США на протяжении последних 30 лет предложение квалифицированных работников оставалось относительно фиксированным – средняя продолжительность обучения фактически «застыла» на уровне 12 лет, и именно это, как утверждают К. Голдин и Л. Катц из Массачусетского университета в Бостоне, отчасти объясняет рост неравенства в США. К сожалению, напрямую измерить, насколько технический прогресс благоприятствует привилегированному положению квалифицированных работников, невозможно. Можно лишь догадываться о степени этого влияния, исходя из динамики разрыва между оплатой труда квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы [цит. по: 15, с. 8].

Институциональная система страны также влияет на уровень неравенства, считает Б. Миланович. Правительство, например, в целях перераспределения части более высоких доходов в пользу низкооплачиваемых категорий занятых может прибегнуть к таким инструментам, как введение прогрессивной шкалы налогообложения и увеличение социальных пособий. Более системное, чем в англоязычных странах, использование механизмов перераспределения доходов может объяснить причину гораздо менее резкой динамики неравенства в континентальной Европе. Например, в 2005 г. социальные трансферты (без учета пенсий) и прямые налоги привели к снижению коэффициента Джини в Германии на 9 процентных пунктов, а в США – всего на 6.

Правительства, придерживающиеся либеральной экономической доктрины, с особой осторожностью используют механизмы перераспределения доходов через бюджет в целях минимизации неравенства: считается, что такое перераспределение в принципе экономически невыгодно, поскольку подрывает рыночные стимулы и наносит ущерб бизнесу. Сдержанное отношение к перераспределению доходов в пользу низкооплачиваемых категорий населения может отражать и политические реалии – в тех случаях, когда бизнес-элита оказывает непропорционально большое влияние на политику, лоббируя свои интересы, поскольку является политически активной и имеет возможность финансово поддерживать выгодные для себя политические решения.

В последнее время все более важным фактором, влияющим на рост неравенства в богатых странах, становится экономическая глобализация. Специализация на экспортне товаров, в производстве которых используется высоко-квалифицированный труд, ведет к увеличению разрыва между заработной платой квалифицированных и неквалифицированных работников. Кроме того, производство дешевых импортных товаров с использованием низкооплачиваемого труда и вывод производств из развитых стран за границу также приводит к снижению заработной платы в развитых странах и увеличению

безработицы среди работников с низким или средним уровнем квалификации, тем самым еще более усугубляя неравенство в доходах.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что все четыре фактора (технический прогресс, институциональные подвижки, изменение социальных норм и глобализация) в той или иной степени ответственны за углубление неравенства в странах с развитой экономикой. Однако даже если признать, что новые технологии или глобализация являются мощными генераторами неравенства, целенаправленное государственное вмешательство все же в известной степени может ограничить его рост [15, с. 9].

Значительное внимание оценкам динамики распределения доходов и роста неравенства уделяется в материалах ОЭСР. Сведения о распределении доходов, бедности и экономических ресурсов по всем 30 странам ОЭСР впервые были представлены в 2008 г. в докладе этой организации «Неравный рост? Распределение доходов и бедность в странах ОЭСР» («Growing Unequal? Income Distribution and Poverty in OECD Countries») [10]. В докладе показано, что неравенство в этих странах растет как минимум с середины 1980-х годов, а может быть, и с середины 1970-х годов. Углубление неравенства отмечено в большинстве стран (хотя и не во всех); при этом особенно заметный рост неравенства в доходах в последнее время наблюдался, например, в Канаде и Германии, а сокращение неравенства – в Мексике, Греции, Великобритании [10].

За умеренным ростом неравенства на протяжении двух последних десятилетий скрывается отчетливо выраженная тенденция. В развитых странах правительства взимают большие налоги и производят большие расходов, чтобы компенсировать тенденцию к углублению неравенства: в последние годы на социальную политику расходуется больше, чем когда бы то ни было прежде. Социальные обязательства государств возрастают также из-за быстрого старения населения в развитых странах – требуется больше средств на развитие систем социального здравоохранения (страховой медицины) и пенсионного обеспечения.

В период с середины 1980-х до середины 1990-х годов перераспределяющий эффект государственных расходов способствовал замедлению роста бедности. В следующее десятилетие этот рост вновь несколько ускорился, поскольку пособия стали приобретать все менее целевой характер. Однако, отмечается в докладе, если правительства пересмотрят политику компенсации экономического неравенства и станут тратить меньше на социальные пособия, либо перейдут к менее фокусированной социальной и налоговой политике, то неравенство начнет расти еще более ускоренными темпами.

Согласно данным доклада ОЭСР, неравенство по-разному затрагивает различные возрастные категории населения. Так, у лиц предпенсионного возраста отмечен самый большой рост доходов за последние 20 лет. Во многих

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

странах заметно сократился также уровень бедности среди пенсионеров – в результате коэффициент Джини для этой возрастной категории оказался ниже среднего значения для стран ОЭСР, в то время как бедность среди детей, наоборот, выросла (коэффициент Джини примерно соответствует среднему уровню, рассчитанному для населения ОЭСР в целом).

Увеличение налогообложения и рост расходов на социальные нужды в целях преодоления экономического неравенства, отмечалось в докладе, может служить только временной мерой. Единственный устойчивый путь к сокращению неравенства – это сдерживание роста заработной платы и прибылей, идущих на личное потребление. В частности, следует стремиться к тому, чтобы гарантировать всем достойный уровень оплаты труда, способный обеспечить потребности семьи в материальных и нематериальных благах на уровне принятых в той или иной стране стандартов. Это означает, что развитым странам необходимо будет приложить гораздо больше усилий, чем сегодня, для расширения занятости, повышения мотивации к труду и укрепления трудовой этики, чтобы не допустить роста численности тех групп населения, которые привыкли жить на пособия по безработице или инвалидности или стремятся к раннему выходу на пенсию. Необходимо, подчеркивается в докладе, принимать все возможные меры, чтобы обеспечить высокую занятость и открывать перед работниками перспективы карьерного роста [10].

Следует отметить, что рассмотренный доклад был опубликован еще до разразившегося в 2008 г. мирового кризиса. В октябре и декабре 2011 г. ОЭСР выпустило еще два исследования по указанной проблематике: «Как живется? Измеряем благосостояние» («How's Life? Measuring Well-Being») [12] и «Остаемся разделенными: Почему растет неравенство?» («Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising») [8]. В 2013 г. было выпущено новое, дополненное издание «Как живется? 2013 Измеряем благосостояние» («How's Life? 2013 Measuring Well-Being») [13].

Первое было подготовлено в рамках программы ОЭСР «Лучшая жизнь» (OECD «Better Life Initiative»), принятой в честь 50-летия этой организации. Одним из основных компонентов этой программы была разработка «Индекса лучшей жизни» («Your Better Life Index») – интерактивного композиционного индекса благосостояния и вовлечение граждан стран ОЭСР в дебаты по социальному прогрессу. В этих исследованиях подробно рассматриваются наиболее важные аспекты, формирующие жизнь и благосостояние людей – доход, занятость, жилищные условия, здоровье, образование, социальные связи, окружающая среда, персональная безопасность и некоторые другие.

Данные, полученные в результате первого исследования, показали, что за последние 15 лет благосостояние людей в целом увеличилось – они стали богаче, вероятность занятости возросла, у них лучшие жилищные условия, они

дольше живут и лучше образованны, снизилась преступность и загрязненность окружающей среды. Однако различия между группами все еще очень велики. Более того, благосостояние некоторых групп населения, особенно тех, которые менее образованы и доход которых ниже среднего уровня, имеет стойкую тенденцию ухудшения всех показателей. Например, жизненный цикл у них короче, они больше болеют, их дети хуже учатся, их политическая активность низка и т.д., поэтому они, по данным опроса, менее довольны своим уровнем жизни, чем более образованные и обеспеченные группы населения [12].

Второе издание этого исследования, выпущенное в 2013 г., подтверждает выводы первого исследования и дает развернутую картину благосостояния населения в странах ОЭСР и некоторых других экономиках посредством исследования жизненных условий и качества жизни в условиях глобального экономического и финансового кризисов, влияние гендерных различий на уровень доходов и благосостояния [13].

Доклад «Остаемся разделенными: Почему растет неравенство?» рассматривает проблемы влияния глобализации, технологического прогресса и государственной политики на уровень заработной платы и неравенство в доходах [8]. В докладе констатируется, что социальное сплочение в демократических обществах основывается на том, что разрыв в уровне доходов между богатыми и бедными не должен быть слишком велик, в противном случае у людей начинают возникать сомнения в справедливости всей существующей системы. Если у среднего класса не будет достаточно средств для того, чтобы платить налоги, обеспечивать свою семью и создавать накопления на старость, у правительства опустеют их «кошельки» и экономическое развитие замедлится. Чем меньше разрыв в обществе между богатыми и бедными, тем лучше благосостояние всего общества. Сегодня почти половина всего мирового среднего класса – 1 млрд человек живут в странах с формирующейся рыночной экономикой, а к 2030 г., по некоторым оценкам, их число увеличится в 4 раза и достигнет 3,9 млрд человек. Как же правительства должны бороться с неравенством? В странах с высоким показателем экономического роста правительствам следует увеличить инвестиции в социальное развитие – в здравоохранение, образование, социальную защиту. Это, отмечается в докладе, поможет людям переоценить свои отношения с государством и сделает социальную политику более эффективной.

**Заработка плата и неравенство в доходах:
Замедление роста на фоне изменившихся условий**

Традиционное деление национального экономического «пирога» на заработную плату, прибыль и ренту уходит корнями в те времена, когда роли ра-

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

ботников, капиталистов и землевладельцев были достаточно разными. Хотя со временем эти различия несколько стерлись, разделение на заработную плату и другие формы доходов по-прежнему служит отправной точкой для описания разделения между трудовыми и нетрудовыми (финансовыми и прочими) источниками доходов.

Основным показателем измерения заработной платы является среднемесячная заработная плата (не почасовая или дневная) в реальном выражении (т.е. с учетом инфляции). Динамика среднемесячной заработной платы отражает изменения в среднем трудовом доходе, колеблется в зависимости от страны и региона, при этом влияние кризиса является очевидным на совокупном уровне. При интерпретации глобальных или региональных оценок необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, существуют различия между странами в способах оценки заработной платы национальными органами статистики. Если в развитых странах проводятся регулярные обследования предприятий и целевые обследования структуры трудовых доходов, в других странах данные о заработной плате поступают из обследований рабочей силы, а определения того, что считать заработной платой могут иногда отличаться друг от друга. Степень охвата также может колебаться в зависимости от страны.

Во-вторых, изменения среднемесячной заработной платы суммируют массу изменения на уровне предприятий и отраслей, в том числе не только ставок почасовой оплаты труда, но и количества отработанных часов. Во многих странах следствием мирового экономического кризиса стало сокращение времени работы в связи с такими факторами, как уменьшение времени переработки, увеличение неполной занятости и / или рост численности работающих на условиях неполной занятости по отношению к полностью занятым. Все эти факторы негативно влияют на общий размер ежемесячной заработной платы.

Глобальный финансовый и экономический кризис привел к значительному снижению темпов роста реальной заработной платы во всем мире. Опираясь на данные официальной статистики по 115 странам и территориям, авторы доклада МОТ «Заработная плата в мире в 2012/13 гг.: Заработная плата и справедливый рост» показывают, что во всем мире рост среднемесячной реальной заработной платы по-прежнему сильно отстает от докризисного уровня – это отставание особенно заметно в развитых странах. Этот рост снизился с 2,8% в докризисном 2007 г. до 1,5% в 2008 г. и до 1,6% в 2009 г. В 2010 г. ее рост составил уже 2,1%, а в 2011 г. вновь отмечено снижение до 1,2%. По данным доклада, рост реальной заработной платы в мире, без учета Китая (где официальная статистика охватывает только «городские территориальные единицы» центрального подчинения), снизился с 2,2% в 2007 г. до 1,3% в 2010 г. и 0,2% в 2011 г. Темпы роста заработной платы упали практи-

чески во всех странах, но в 2008 г. более чем в четверти стран и территорий, включенных в исследование, а в 2009 г. – в каждой пятой стране и территории они вообще оказались отрицательными [9; 18].

В докладе отмечаются значительные региональные различия в динамике заработной платы. Так, если в развитых странах отмечалось две волны снижения заработной платы, то в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и еще в большей степени в странах Азии ее рост оставался положительным на протяжении всего периода кризиса.

Таблица 1 [9]

**ДИНАМИКА РОСТА РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ
ПО РЕГИОНАМ С 2000 Г. (Индекс 2000=100)**

<i>Региональная группа</i>	<i>2000 г.</i>	<i>2006 г.</i>	<i>2007 г.</i>	<i>2008 г.</i>	<i>2009 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>2011 г.</i>
Развитые страны и ЕС	100	103,3	104,5	104,1	104,9	105,5	105,0
Центральная и Юго-Восточная Европа	100	204,4	233,9	253,4	244,4	257,9	271,3
Азия	100	149,0	158,8	165,1	174,6	185,6	(194,9)
Латинская Америка и Карибский бассейн	100	105,4	108,5	109,3	111,0	112,6	115,1
Африка	100	103,9	105,3	108,1**	108,6**	115,4**	117,8**
Ближний Восток	100	98,3	100,1	97,2	95,8	(94,6)	(94,4)
Мир в целом	100	112	116,1	117,3	118,8	121,3	122,7*

* Темпы роста публикуются как предварительные оценки (охват составляет около 75%).

** Темпы роста публикуются как «приближенные оценки» (охват составляет около 40–74%).

( ) Темпы роста публикуются, но вероятны их изменения (охват составляет менее 40%).

Источник: Глобальная база данных МОТ по заработной плате.

Как видно из таблицы, за рассматриваемое десятилетие заработная плата в развитых странах выросла в реальном выражении практически на четверть, но отличалась высокой региональной вариативностью. Кроме того, в странах с развитой экономикой краткосрочное влияние кризиса прослеживается на фоне долгосрочного уменьшения доли заработной платы в ВВП в докризисный период и продолжительного периода сдерживания заработной платы. Средняя заработная плата в мире за этот период увеличилась, как видно из таблицы, приблизительно на четверть. Основным источником роста стали развивающиеся регионы (главным образом Южная Азия), где заработная плата за период с 2000 г. практически удвоилась, а также страны Восточной Европы и Центральной Азии, где заработная плата выросла более чем в 3 раза, что частично компенсирует резкое снижение заработной платы в этом регионе в 1990-е годы.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Несмотря на более высокие темпы роста реальной средней заработной платы, наблюдавшиеся в последнее десятилетие в странах с переходной экономикой, в абсолютном выражении различия ее уровня между странами и регионами по-прежнему остаются значительными. В развитых странах средняя заработка пережила двойное снижение – в 2008 и в 2011 гг. В 2008 г. к снижению реальной заработной платы привели необычайно высокие темпы инфляции, превышающие рост номинальной зарплаты, а мировой экономический спад, начавшийся в 2009 г. практически заморозил как номинальную зарплату, так и потребительские цены. С тех пор восстановление роста номинальной оплаты труда остановилось в 2011 г., однако при этом рост потребительских цен вернулся к докризисному уровню, что объясняет снижение реальной заработной платы в этом году [9; 18].

По данным Бюро статистики труда США, ставки почасовой оплаты труда за время, отработанное в обрабатывающей промышленности в 2010 г., колеблются от почти 35 долл. в Дании и чуть менее 23 долл. в США до 13 долл. в Греции, от 5 до 6 долл. в Бразилии и менее 1,5 долл. на Филиппинах. При использовании другой, несопоставимой методологии общие затраты на почасовую оплату труда в обрабатывающей промышленности Китая и Индии составили, соответственно 1,36 долл. в 2008 г. и 1,7 долл. в 2007 г. Хотя эти расхождения измеряются в текущих долларах и поэтому зависят от колебаний обменного курса, они тем не менее указывают на то, что в мире сохраняются огромные различия в заработной плате и производительности труда [9].

В докладе МОТ отмечено также, что доля лиц, получающих низкую заработную плату (определенную в размере чуть менее 2/3 от медианной заработной платы), увеличилась за период с середины 1990-х годов более чем в 2/3 стран, по которым имеются соответствующие данные. К этой группе относятся, например, такие разные по уровню развития экономики и систем социальной защиты страны, как Аргентина и Китай, Германия и Индонезия, Ирландия и Республика Корея, Польша и Испания. В этих и других странах с высокой или устойчиво растущей долей низкой заработной платы существует опасность, что значительное число людей останутся в маргинальном социальном поле: возможностей для перехода на более высокооплачиваемую работу слишком мало, а риски оказаться в ловушке низкооплачиваемой работы высоки.

Это, в свою очередь, может привести к росту социальной напряженности, особенно если в среде «аутсайдеров» рынка труда будут активно распространяться настроения, оправдывающие социальный протест слишком большими потерями, понесенными ими в результате кризиса, в то время как плоды от предшествующего периода экономического роста и, возможно, будущего подъема экономики распределяются заведомо неравномерно.

Если при этом учесть, что как в развитых, так и в развивающихся странах в категории низкооплачиваемых работников и в числе безработных, в первую очередь, оказывается молодежь, что в этой категории также непропорционально много женщин, представителей социально уязвимых этнических меньшинств, расовых групп или групп иммигрантов, становится очевидным: совокупность этих признаков в среде низкооплачиваемых работников не только приводит к недооценке их труда и делает их трудоустройство проблематичным, но и таит в себе серьезную угрозу для будущего социальной системы, в которой решению проблемы неравенства доходов уделяется недостаточно внимания.

И последнее. Стагнация заработной платы в докризисный период могла усугубить течение кризиса, а также привести к снижению способности экономик к быстрому восстановлению. И хотя глобальный финансовый и экономический кризис был спровоцирован многими факторами, существует точка зрения, согласно которой структурные причины кризиса кроются в сокращении совокупного спроса в последние десятилетия. Переопределение совокупного дохода от работников, получающих медианную заработную плату, к высокооплачиваемым, и от заработной платы к прибыли фактически означает смещение массы доходов от совокупности лиц с высокой склонностью к потреблению к совокупности лиц с высокой склонностью к сбережению, что и явилось одной из важных причин сокращения совокупного спроса.

В докризисный период одни страны могли поддерживать потребление домохозяйств за счет расширения объемов кредитования населения, в то время как основой экономического роста других стран был главным образом экспорт. Однако вторая модель, как показало время, оказалась несостоятельной. Лишь модель, при которой основой экономического роста является увеличение потребления домохозяйств и, в частности, такого потребления, которое основано на трудовом доходе, а не на растущей задолженности, отвечает интересам любой страны.

Политика в области заработной платы может внести положительный вклад в создание более устойчивой социально-экономической модели. Как установление размера минимальной заработной платы, так и трехсторонний переговорный процесс с участием представителей государства, работодателей и профсоюзов, заключение коллективных договоров, учитывающих интересы работников, могут содействовать достижению более сбалансированного и справедливого экономического роста. Необходимо, чтобы домохозяйства (работники и члены их семей) с низкой заработной платой получали «справедливую долю плодов, которые приносит каждый процентный пункт экономического роста» [18]. Установление минимальной заработной платы и охват коллективными переговорами более 30% работников, трудовые пособия, налоговые и прочие льготы, дополненные эффективным нормативным

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

правовым регулированием, могут также способствовать сокращению доли низкооплачиваемых работников.

* * *

Исследования процессов, связанных с динамикой неравенства в доходах и изменениями уровня заработной платы, требуют учета множества факторов, зачастую действующих разнонаправленно. Движущие силы этих процессов рождаются в сферах экономики, социальной политики, институциональной организации общества, традиционных механизмах распределения доходов и т.п. Различные факторы по-разному и в различной комбинации взаимодействуют в разных странах. Например, рынки труда в США и Великобритании столкнулись с таким явлением, как рост поляризации уровней оплаты труда. В странах еврозоны не наблюдалось никаких универсальных для всех тенденций в распределении доходов, и в ряде этих стран оно оставалось относительно стабильным в течение всего периода кризиса.

До сих пор, как отмечает сотрудник Европейского департамента МВФ Т. Харджес, среди экономистов, социологов, представителей политической и деловой элиты нет единого мнения о том, почему в одних развитых странах неравенство в доходах возрастает, а в других – сокращается [11]. Некоторые полагают, что неравенство вызвано технологическим прогрессом, распространением информационных технологий, изменениями в спросе на квалифицированный труд, косвенным влиянием аутсорсинга. Они винят во всем глобализацию и призывают вернуться к протекционистской политике [14, с. 16]. Другие же, напротив, полагают, что рост неравенства в большей степени объясняется не спросом и предложением квалифицированной рабочей силы, а изменениями в институционализации рынков труда, включая установление минимального размера заработной платы и степени объединения рынка труда каждой отдельной страны.

Меньшее неравенство в странах ЕС можно объяснить несколькими обстоятельствами. Это прежде всего более консервативная структура общественного производства в Европе по сравнению с США, обеспечивающая больший спрос на высококвалифицированный труд наемных работников и не допускающая столь значительного разрыва в уровне оплаты труда, как в США [5, с. 170]. Европейские экономики оказались в меньшей степени затронуты эффектом бурного роста богатства высших слоев населения, который был характерен для США в условиях их либеральной налоговой политики и бума на фондовом рынке в 90-е годы. Кроме того, внутренняя социальная политика европейских государств на протяжении десятилетий способствовала сглаживанию имущественных различий посредством поддержания доходов низкооплачиваемых групп населения на общественно приемлемом уровне.

Так или иначе, затронутые в данной статье проблемы остаются не только дискуссионными, но и по-прежнему остроактуальными, следовательно, в ближайшие годы правомерно ожидать новых интересных исследований мировой динамики социального неравенства.

Литература

1. Глобализация мировой экономики и социально-экономическое неравенство. – Режим доступа: <http://www.ecgb.ru/socialno-ekonomicheskoe-neravenstvo.html>
2. Глобализация усиливает неравенство: Семинар во Всемирном банке. – Режим доступа: <http://www.fastcenter.ru/smenschikov/slovo/smmslovo106.htm>
3. Глобальный экономический кризис порождает новые возможности для дискриминации в сфере труда: Новый глобальный доклад МОТ о равенстве в сфере труда. – 2011. – Режим доступа: <http://www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/news/2011/0516.htm>
4. Грабарь Я. Богач–бедняк: Мир оказался несправедлив. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/17/07/2013/866357.shtml>
5. Иноzemцев В.Л. Глобализация и неравенство: Что – причина, что – следствие? // Россия в глобальной политике. – М., 2003. – № 1. – С. 158–175.
6. Рубини Н. Нестабильность неравенства – Режим доступа: <http://hvlyya.org/analytics/economics/13906-nuriel-rubininestabilnost-neravenstva.html>
7. Терборн Г. Глобализация и неравенство: Проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. – М., 2005. – Т. 4. – № 1. – С. 31–60.
8. Divided We Stand: Why Inequality Keeps Rising. – Mode of access: http://www.oecd.org/document/51/0,3746,en_2649_33933_49147827_1_1_1_1,00.html
9. Global Wage Report 2012/2013: Wages and Equitable Growth. – Mode of access: http://www.ilo.org/global/research/global-reports/global-wage-report/2012/WCMS_194843/lang--en/index.html
10. Growing Unequal?: Income Distribution and Poverty in OECD Countries. – Mode of access: http://www.oecd.org/document/4/0,3343,en_2649_33933_41460917_1_1_1_1,00.html
11. Harjes T. Globalization and Income Inequality: A European Perspective. – Mode of access: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07169.pdf>
12. How's Life? Measuring Well-Being. – Mode of access: http://www.oecd.org/document/10/0,3746,en_2649_201185_48791306_1_1_1_1,00.html
13. How's Life? 2013: Measuring Well-Being. – Mode of access: http://www.oecd-library.org/economics/how-s-life-2013_9789264201392-en
14. Jaumon F., Lall S., Papageorgiou C. Rising Income Inequality: Technology or Trade and Financial Globalization? – Washington, 2008. – 36 p. – (IMF Working paper WP/08/185).
15. Milanovich B. More or Less // Finance a. Development. – Washington, DC, 2011. – September. – P. 7–11.
16. OECD. StatExtracts: Gross domestic product (GDP). – Mode of access: <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=557>
17. Stiglitz J. Progress, what Progress? – Mode of access: http://www.oecdobserver.org/news/fullstory.php?aid=2793/Progress,_what_progress_
18. Wage Policies in the Times of Crisis: Global Wage Report 2010/11. Executive Summary. – Mode of access: http://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_149622/lang--en/index.html